

Вся

ГЛУБИНА ДУШИ

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Н. К. СИМОНОВА

Человек широкой улыбки, веселой скороговорки, порывистых движений, человек, будто излучающий саму радость, оптимизм нового мира, — таким был Сергей Мехоношев из спектакля «Конек Криворыльска» Ромашова, таким пришел молодой герой Николая Симонова на подмостки Б. Александринского, ныне Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. О ролях, сыгранных им тогда, в 20-е годы, критики писали вполне единодушно: «Триумф актерского обаяния». Вскоре масштабной ролью партизанского вожака Никиты Вершинина в спектакле «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова Симонов держал экзамен на творческую зрелость. Его партнер в этом спектакле, корифей труппы Илларион Певцов сказал после премьеры: «Громадный, классный актер Николай Симонов, уступаю ему самое первое место на нашей сцене...».

Проходят годы, для каждого актера наступает пора прощания с ролями, дорогими ему и признанными зрителем. Таков неумолимо естественный закон театра. И все-таки бесконечно жаль, что ушли из репертуара Николая Константиновича Симонова многие и многие роли прежних лет. Трагический герой спектакля «Ярость» Яновского, изувеченный немой Семен... Граф де Ризоор из «Фландрии» Сарду — величественный и властный вожь довавших с глазами мученика... И «мастер жизни на земле» коммунист Павел Берест в «Платоне Кречете» А. Корнейчука. И пушкинский Борис Годунов. Генерал Муравьев в «Победителях» Б. Чиркова. Чеховский Астров, тургеневский Лаврецкий...

А это было, кажется, совсем недавно — «Живой труп» Л. Толстого, вторая картина первого акта. Зрители, выдвигая среди действующих лиц Федю Протасова, сидящего отвернувшись от рамы, неизменно долго и восторженно приветствуют любимого артиста, не да-

вая ему начать роль, произнести: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля... Удивительно, и где это делается все то, что тут высказано? Ах, хорошо, и зачем может человек доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его?..» Но время уже разлучило нас и с Протасовым...

Правда, самое творчество ушедших лет, облик актера, характер и своеобразие мастерства сохраняет кинематограф. Более всего — «Петр I».

Крупно, почти во весь экран фигура Петра. В торжествующем упоении победой, он, как у Пушкина, «могущ и радостен, как бой...». В одних эпизодах все побеждает петровское превосходство духовной мощи и смелого, дальновидного ума, в других буйствует во всю силу петровская нетерпимость и жестокое самодурство. И все живет, живет в стремительной динамике кинокадров вопиющую Петр I, богатырская индивидуальность, огромный русский характер. Человек, то ликующе-жизнелюбивый, то мрачно-яростный, прежде всего — человек...

Сейчас трудно представить, чтобы Симоновым была сыграна одна роль Петра I, но будь это так, его и тогда ждало бы признание артиста великого дарования. Ничего не заслоняя в огромном и прекрасном творчестве, эта роль-откровение приобрела неповторимо знаменательный смысл: Симонов, в первую очередь, Петр I, как Мочалов — Гамлет, а Комиссаржевская — Нина Заречная, Чайка.

Ролью этой «начинается» Симонов, известный всем, Симонов — актер с мировым именем, сложившийся художник.

Сложившийся художник?.. Симонов часто казался таким до... каждого следующего спектакля, когда вдруг открывалось нечто совершенно в нем неизвестное прежде, как это произошло в ролях Сальери и Клаузена.

Его Сальери — огромный, необычный своим духовным масштабом человек, страстно живущий и страстно размышляющий. Раньше, чем вызванная им трагическая гибель Моцарта, началась его трагедия. Глухая слава ему не по плечу, мала. Истинно пережив гибель Моцарта, к эпилогу Симонов играет Сальери смятенного, желающего верить своей идее и не верующего в нее окончательно, неумолимо идущего к осознанию той истины, что «гений и злодейство — две вещи несовместные...».

Прежде Николай Константинович говорил, что может играть только то, что хорошо знает: «Вот Сатин. В юности в Самаре мне приходилось встречать обитателей волжских ночлежек, это были люди, иногда увлекательных, а чаще горьких биографий. Встречались очень колоритные фигуры, «короли дна», жалкое существование которых потрясало безысходным драматизмом. Память об этих людях, кажется, очень облегчила мне работу в спектакле «На дне».

Но вот герой драмы Гауптмана «Перед заходом солнца» Маттиас Клаузен. И Симонов безраздельно владеет ролью в зарубежной пьесе. Нет, актер не стал переводить героя на русские нравы, в русский облик, но прочел в человеческой душе нечто большое, огромное. В драме, законченной Гауптманом на пороге фашизма, Симонов сыграл и написанное, и подразумеваемое автором. Герой, оставив тесные рамки семейной драмы, вырос в символ общечеловеческой трагедии.

На спектакле «Перед заходом солнца» как-то немисливо представить, что всей глубиной человеческой души, с ее вечностью, неприкосновенностью владеет обычный человек, который может дома проверять тетрадки у внука или смотреть спортивные матчи по телевидению... Но когда после спектакля Симонов выходит на приветствия, торжественный и неуязвимый, как в первом акте, в минуты юбилея Клаузена, все-таки это уже не Клаузен — Симонов. Человек доброжелательный и немного замкнутый от застенчивости, почти детской, нетерпимый ко всему, что суетно, фальшиво, холодно. Замечательный человек с его высоким талантом и обаятельной нрав-

ственной чистотой. Способный удивлять всему интересному на свете с непосредственным воодушевлением. Человек, которому одинаковую радость приносит украшение новогодней елки и удачный совет молодому актеру. А как этот человек любит узнавать! Домосед по натуре, он очень много ездит по стране и каждый раз привозит кингу проспектов, музейных каталогов, книжек, выпущенных местными издательствами и обязательно для любимой коллекции — игрушки.

Друзья народного артиста СССР Н. К. Симонova говорят, что если бы он не стал замечательным актером, люди узнали бы о нем как о замечательном художнике. Живопись — второе полное право «я» его творческой личности. Он пишет много, отдавая живописи все время, свободное от спектаклей, репетиций, съемок, концертов, творческих встреч.

Пушкин, Рахманинов, Роден — вот имена, несравненно дорогие ему. Ценит произведения искусства, что могут прочертить неповторимый след в человеческом сердце. Эстетические интересы обнаруживают вкус к явлениям искусства простого, понятного, сердечного.

Человек может стать художником своего времени, если, владея от природы чувством жизненной правды и острей проицательной мыслью, способен внутренне ощущать, а затем передать своим современникам глубины человеческого сердца. Удивительным многогранным творчеством Симонов утвердил это право и звание. И если слово человечность, действительно, обозначает то, что достойно человека и его счастья, человечность симоновского искусства — беспредельна.

...И снова поднимается занавес: «Легенда об Уленшпигеле». Желтый свет, густой и теплый, как у немногих из фламандцев, что любили яркое солнце на своих полотнах, заливая сцену, выхватывая из сумрака мощную, живописно-прекрасную фигуру Клааса.

Знакомая, гордая посадка седой головы, открытое лицо с заметными черточками усталости... Опять, но и заново во всем облике этого человека видится нечто, позволяющее предполагать сдержанную силу благородных душевных движений.

Бывает такое — выходит на сцену человек, и достаточно только увидеть его, чтобы немедленно почувствовать, что он достоин интереса и какого-то особого отношения... Счастье, что бывает такое!

Г. НЕВЗОРОВА
Фото Д. Мовшина